

ВЕЩЕЙ СОН

Как познакомились мои родители

Ей было двадцать три, ему тридцать семь. Она – хрупкая и кудрявая, с огромными голубыми глазами. Выпускница экономического техникума, отличница. Он – статный грозный офицер, за плечами афганская война, химический университет, неудачный брак, двое детей. У нее за плечами разноцветный рюкзачок.

Была у папы толстенная зеленая тетрадь, куда он с утра вечно что-то торопливо записывал неразборчивым почерком. Лежала она на прикроватной тумбочке в их с мамой спальне. Лет с двадцати папа записывал туда все свои сны. Сны ему снились удивительные: готовые идеи для сценариев.

– Папа, – говорю я как-то, – папа, как вы с мамой познакомились?

Папа долго молчит, потом глупо улыбается. Достает зеленую тетрадь, листает странички, наконец находит и читает, спотыкаясь через слово в попытках разобрать потускневшие буквы.

– Сегодня я проснулся от невероятной жажды и сухости во рту. Странно, вчера вроде не пил. Оглядываюсь – я в тропиках, вокруг джунгли, птицы поют. Иду по песчаной тропинке, путаясь в зарослях высокой травы. Жажда невероятная. Впереди колодец, а рядом девушка. Маленькая такая, наклонилась так, что видно грязные босые пятки, и что-то тянет из мрачного нутра колодца. Чувственный изгиб спины, длинные кудрявые волосы, в которых золотится луч солнца. Не оглядываясь, девушка вытаскивает огромный кувшин, ставит себе на голову и удаляется в недра джунглей. «Красавица! – кричу я ей. – Красавица, дай водой напиться!» Девушка оборачивается – на губах едва заметная улыбка, глаза большие, голубые. Протягивает кувшин. Пью, не отрывая глаз от девушки. Молчит, улыбается. «Где же такие красавицы водятся?» – спрашиваю, ухмыляясь. «На далеком

севере», – тихо отвечает девушка. «Я тебя найду, слышишь, обязательно найду. Как тебя зовут?» – «Илона». Девушка забирает кувшин, ставит на голову и уходит. Долго смотрю ей вслед, потом просыпаюсь.

Папа заканчивает читать и загадочно смотрит на меня. Я отвечаю таким же загадочным взглядом.

– А что потом?

– А потом, спустя три года, я приехал в Норильск навестить свою сестру Веру. И в гостях увидел твою маму. Правдой сон-то был.

Мой храбрый и безрассудный отец

Дело происходило во время афганской войны. Папу призвали как-то глупо и непонятно, он вообще не любил об этом рассказывать. Папа был красивым, невыносимо красивым, отлично пел, танцевал, играл на гитаре, кадрил молоденьких женщин и умел водить автомобили. Жаль, но на войне певцы, танцоры и казановы не очень востребованы. Поэтому папе поручили разъезжать на военной машине, развозя боеприпасы и прочие военные штуки в разные части.

Однажды вечером, когда папа, выразительно размахивая руками и ногами, читал стихи Есенина глупо хихикающей медсестре, к нему подошел серьезный мужчина и сказал, мол, Сашка, хватит страдать глупостями, собирайся, поедешь. Папа сильно расстроился, потому что медсестра нравилась ему больше, чем ездить. Медсестра нахмурилась, она ведь не считала себя «глупостью».

Папа нарядился, прошелся гребешком по русым волосам, обворожительно ухмыльнулся своему отражению и запрыгнул в грузовичок. И поехал. По дороге как-то даже неожиданно для себя заблудился. Когда он это понял, было довольно поздно. За окном темнота, ночь, огни вдалеке. Но папа был безрассудным: он решил, что карта местности – это для слабаков, поэтому лишь сильнее надавил на педаль и поехал по проселочной дороге в надежде сократить путь.

Папа открыл боковое окошко и закурил. Вдалеке слышались громкие хлопки, затем звуки перестрелки. Папа нахмурился. Выстрелы звучали как-то неприлично близко, они нервировали отца. Он приподнял брови, мельком глянул в зеркальце заднего вида, с ухмылкой оценил себя и нажал на кнопку магнитолы. Зазвучала веселенькая музыка, песня какого-то русского певца. Вдалеке продолжалась перестрелка. «Наверное, учебные работы», – подумал папа и выглянул из окошка.

– Так держать, парни! Давай-давай! – задорно прокричал он в темноту.

Кажется, ему что-то ответили, но папа не расслышал. Он сделал музыку громче, и выстрелы утонули в задорном припеве. Внезапно раздался грохот. Папа удивленно обернулся. Кажется, кто-то случайно попал в грузовик пулей.

– Эй, мужики! – выкрикнул папа из окна. – Вы чего творите, мужики! Я вам тут не хухры-мухры везу, сейчас все взорвется!

Однако «мужики» не услышали. Выстрелы продолжились. Папа нахмурился и сильнее надавил на педаль. Машина глухо взвизгнула и в ускоренном темпе повезла отца от перестрелки. По машине прекратили стрелять.

Папа вновь глянул в зеркальце, ухмыльнулся в стиле Джеймса Бонда: мол, молодец я, справился.

Часа в три ночи отец наконец приехал в свою военную часть. Глядя на взволнованных солдат, вытаскивавших груз, папа закурил, прислонившись к дверце машины.

– Что-то наши совсем с ума посходили, – недовольно пожаловался он солдатам. – Представляете, стрелять начали. Я им кричу, мол, мужики, что вы делаете, груз-то опасный, взорвется! А они не слышат.

– Саня, ты как ехал? – дрогнувшим голосом спросил молодой офицер, прижимая деревянную коробку.

– Да черт его знает, как-то ехал. Свернул километра через четыре от нашей части, а там по проселочной дороге. Ближе ведь, чё мы так раньше не ездили?

Папин вопрос остался без ответа, офицеры молча переглянулись.

– Боббль, ты так больше не езд. Там уже не наша территория. Скажи спасибо, что жив остался. Не езд так больше.

Как тетя Вера поплатилась за свою красоту

Без ложной скромности скажу, что Бобблевы всегда отличались незаурядной красотой, чувством юмора и харизмой. Тетя Вера была молода, аппетитна, черноброва, с копной пушистых русых волос и с задорным блеском ярко-зеленых глаз. Ходила в джинсовом комбинезоне, громко смеялась, кусала полные влажные губы до крови, здоровый алый румянец не сходил с ее щек.

Она работала вожатой, ее обожали дети, а все дееспособные мужчины влочилились за ней, домогаясь чести провести хотя бы две минуты наедине. Вера не знала грусти, не знала рамок приличия, чувствовала себя раскованно в любой компании и обожала давать надежду самым безнадежным поклонникам.

Однажды в свой выходной, вечером, когда солнце лениво катилось в розоватый закат, она возвращалась с моря: мокрые волосы беспорядочно распластались по загорелым плечам, лисьи глаза светились беспричинным девичьим счастьем. Вера куталась в большое махровое полотенце, лямки купальника упрямо манили голодные мужские взгляды.

Вера шла по полю, мурлыча что-то себе под нос. На горизонте виднелся табун разномастных лошадей – они громко ржали, стучали копытами и всячески привлекали Верино внимание.

– Какие у вас красивые лошадки, – улыбнувшись, крикнула Вера в спину молодому цыгану.

Парень обернулся и на несколько секунд лишился дара речи. Смуглая кожа, короткие черные волосы, красная рубаха. Он держал коня за поводья.

– Можно погладить? – спросила Вера, перекладывая пакет с одеждой в другую руку. – Чудо как хороша! А зовут как?

– Риджан... – еле вымолвил цыган, не сводя глаз с Веры.

Риджан угрюмо перебирал копытами, слюнявил трензель, размахивал хвостом в отчаянных попытках прогнать слепней с крупа.

– Вот, – цыган закопошился в карманах потрепанных брюк. – Вот, можно... можно сахарком угостить.

Он на дрожащей грязной ладони протянул заваливавшиеся кусочки серого рафинада.

Вера, как-то совсем по-женски попискивая, кормила Риджана с рук, беззаботно поглядывала на цыгана, а потом так же беззаботно закивала головой на приглашение остаться в лагере на вечер, посидеть возле костра и попеть песни.

Петь песни Бобылевы очень любят. Когда-то давно была у нашей семьи традиция: собирались Бобылевы (дедушкина линия) и Корнеевы (бабушкина) за огромным столом на заднем дворе большого дома и начинали соревноваться: кто кого перепоеет. Потом соревнование переходило в стадию «кто кого перепьет», но это уже другая история.

Костер тихонько трещал, искрился. Вера пела под гитару, заправляла пушистые пряди волос за ухо, обворожительно улыбалась каждому.

Милош, а именно так звали цыгана, не сводил с девушки глаз. После, усадив пьяненькую Веру на Риджана, довез до ворот лагеря и там, стоя в душной темноте под кроной березы, ласково спросил:

– Сколько ты стоишь?

Вера залиvisto рассмеялась и ответила, что она бесценна. Махнула на прощание веточкой душистой сирени и скрылась за оградой.

Милош стал частым гостем на территории лагеря: безвозмездно чинил розетки, прибывал полочки, дарил Вере цветы, учил ее кататься на лошадях, звал на ночные купания и каждый раз на прощание спрашивал незыблемое: «Сколько ты стоишь?»

Однажды в очередной ночной заход на море подхватил ее и затащил далеко-далеко от берега, за самые буйки, на лунную серебристую дорожку. Вера кокетливо верещала и брыкалась, а потом поймала не на шутку серьезный взгляд Милоша и замолчала. Так они и молчали: Милош, стоя по грудь в воде на песке, а Вера – затерявшись где-то в его руках.

А потом Милош поцеловал ее.

Вера не могла заснуть. Ворочалась, думала. Блуждала невидящим взглядом по белому потолку. Знобило.

На следующий день Милош не пришел. Не появился он и через неделю. Смена в лагере близилась к концу. Вера страдала. Потом заболела. Сердце терзалось, и было не ясно, что болит больше: душа или горло.

Той ночью спалось беспокойно. В лагере бесновались пионеры – Королевская ночь все же. Вожатые тоже бесновались – кричали песни, танцевали под магнитофон, пили в коридорах корпуса и дурачились. Вере ничего не хотелось, хотелось только спать.

Проснулась от громкого хлопка, спросонья едва приподнялась с пуховой подушки и закричала. Рот ей заткнули тут же, руки скрутили, а потом наступила темнота и дышать стало нечем – на голову надели мешок, пахнувший сырой землей.

Вера слышала, что говорят на другом языке, говорят бегло, уверенно, сосредоточенно. Узнала и голос Милоша, что по звукам крутился где-то рядом, кому-то командовал и вел себя довольно истерично.

Вера пыталась вырваться, но получалось плохо – мужские руки крепко ее сжимали. Потом ладони перевязали веревкой, закинули девушку на плечо.

Во дворе Веру взвалили животом на седло, позади сел Милош. Он упрямо, нервным шепотом повторял:

– Верочка, все будет хорошо, ты только не бойся.

Пропажу всеми любимой вожатой заметили только утром. Был дикий скандал, привлекли и милицию, и местных жителей. Пионеры с утра и до ночи разыскивали Веру по лесам и оврагам, уже даже не надеясь найти ее живой.

Через два дня цыгане объявились сами: предлагали обменять Веру если не на деньги, то хотя бы на пару коров. Заместитель директора лагеря, Леонид, не одобрил такого положения дел и обошелся простым избиением. Веру вернули. А потом, спустя несколько лет, Вера вышла за него замуж и очень гордилась историей о своем похищении, правда, всегда умалчивала о выкупе.

Самоубийство

Однажды прабабушка Дуся решила повеситься. Произошло это как-то внезапно. Как обычно, она сидела за деревянным столом, штопала детские носки, на кухне вскипал чайник. Ее муж, прадед Костя, пришел с работы пьяным и прямо с порога, замахав кулаком, заявил:

– Хрен тебе, а не получка!

Заявил и упал на койку. И захрапел. Дуся засуетилась: совсем по-бабьи начала причитать, побежала стягивать с деда сапоги. Он брыкался, ругался и в конце концов зарядил жене ногой по животу. Тут Дуся терпение лопнуло: она зарыдала и, как была босиком, побежала в сарай.

В сарае она нашла веревку и хотела было придушить деда, но вдруг перекрестилась, поняв, что задумала грех.

Тогда она закинула веревку на перекладину, где обычно дед Костя любил демонстрировать ловкость и гибкость своего тела, затянула потуже и, приподнявшись на носочках, просунула голову в петлю. Просунула и замерла.

Во дворе послышалось хлюпкое шлепанье. Дуся решила, что это дед Костя осознал все свои ошибки и идет каяться. Она приняла очень скорбное выражение лица, уперла руки в боки и принялась ждать.

В сарай протиснулось румяное личико Жени, восьмилетнего сына Дуся. Он жевал бублик.

– Мамунь, ты чой-то?

– Ничего, Женчик, иди домой, – Дуся замахала на него рукой.

– Там батя спит, – безмятежно заявил Женя.

– А Лида где? – интересовалась Дуся, не вылезая из петли.

– Лида гуляет.

– Ну иди, тоже погуляй.

– Мамунь, – Женя шагнул за порог сарая, – ты чой-то, вешаться собралась? Мамунь, ты чой-то?

– Ты матери не указывай! – внезапно рывкнула Дуся.

Женя изменился в лице, половинка бублика упала на дощатый пол. Дуся тут же зашла в истошных рыданиях.

– Шалопай, – тянула она, захлебываясь в слезах, – ты как с едой обращаешься?

Потом Дуся вылезла из петли, достала ремень и, плача, отхлестала ни в чем не повинного Женю за упавший бублик.

Моя большая финская семья

Мою прабабушку звали Херттой, и родом она была из далекой Финляндии.

Женя

Деда Женю я никогда не видела. Я не знаю, когда он родился, кем работал, и, кажется, об этом никто из нашей семьи не знает. Как-то на Рождество упростили его сестры присоединиться к гаданиям. Женя ходил кругами вокруг стола, посмеивался над «девичьими глупостями», курил в форточку и наконец сдался. Грубо плюхнулся на стул, закрыл ладонями глаза и сказал:

– Гадай, Райка, гадай!

Рая принялась азартно тасовать карты. Разложила.

– Тут смерть выпала, Жень...

Женя громко засмеялся, шумно встал из-за стола, сказал, что сестры его дуры, а на следующий день умер.

Однажды он спас свою семью. Дело было в военное время. Стремительно наступали немцы. Из пригорода Петрозаводска по Онежскому озеру эвакуировали людей. Дуся и ее дети, Женя и Лида, сильно спешили на паром. Муж Костя был на фронте, и он не то чтобы усиленно сражался за родину, рискуя собственной жизнью. Костя был не пригоден к службе, поэтому состоял в агитбригаде, где задорно играл на губной гармошке и танцевал, поддерживая дух Красной Армии. И хоть я никогда в своей жизни не видела деда Костю, но именно этот момент в его жизни заставляет меня чувствовать какое-то душевное родство с ним. Это настолько вписывается во всю судьбу нашей семьи, в мою собственную жизнь: Бобылевы – Киселевы просто рождены для песен и танцев даже в военное время.

Женя путался в собственных ногах, падал, канючил, кланчил у матери какие-то глупости и как будто бы совсем ничего не соображал. Вдобавок был сильно болен: нажрался снегу и подхватил ангину. Чтобы попасть на паром, требовалось пройти медкомиссию – вспышка эпидемии в тылу никому не была нужна. Дуся, русская бабища, была здорова, как бык, Лида также не отставала. А вот Женю забраковали. Не поедешь, говорят, зачем ты там больной нужен. Выздоровливайте, потом приходите.

Дуся стояла на берегу в обнимку с дочерью, Женя грустил неподалеку. Стыдно было ему, пятилетнему, за все свои глупости, за сожратый снег, за то, что лишил семью последней надежды. Сидя в драном тулупе, Женя буквально ненавидел себя и свое чертово горло, он разгневанно кидал снежки в сторону уплывающего парома.

Паром был уже едва виден на линии горизонта, когда раздалось шумное, застилающее слух, гудение. В небе показались самолеты, они были достаточно далеко от города, но звук был силен настолько, что казалось, летят они прямо над стоящими на берегу людьми.

Дуся от ужаса не могла сдвинуться с места: она впервые собственными глазами видела войну. И никакого инстинкта самосохранения.

Падали снаряды. Озеро и стоящий на том берегу город бомбили. А Дуся стояла на берегу. Женя кидал снежки. Последний замерзший комочек снега приземлился на лед и тут же послышался очередной взрыв. Паром, на который они не попали, задымился и стремительно пошел ко дну.

Мама и художественные изыски

В моей горячо любимой маме, в этой хрупкой большеглазой женщине в разноцветном сари, никто и никогда не узнает самого настоящего капитана милиции, служившего на зоне и производившего двадцать четыре выстрела из двадцати пяти. Во мне тоже тяжело узнать человека, быстрее всех в районе собирающего и разбирающего автомат Калашникова. Когда я победила, мама впервые расплакалась от умиления и все время повторяла: «Гены не пропьешь».

В молодые годы мама совершала спортивные пробежки вокруг тюрьмы, ежедневно ходила на стрельбу, дома в шкафу посреди вечерних платьев висела форма цвета хаки, хранился чемоданчик на случай «военной атаки», противогаз и прочие штуки.

Мама часто посещала заключенных, выстроивших наш родной город Норильск. Зэки разных степеней тяжести преступлений томилась в душных камерах. Так мама познакомилась с Художником. Сначала он предложил набить ей татуировку орла на всю спину, но мама почему-то отказалась. Тогда Художник написал ей картину: огромные заснеженные вершины гор, у подножия сочный зеленый лес и маленький изогнувшийся ручеек. Маме понравилось, и она повесила картину в прихожей. Тогда Художник написал маме любовное письмо. Маме понравилось, и она положила письмо в коробочку с ценными фотографиями. Тогда Художник нарвал у тюрьмы цветов и торжественно вручил их маме. Маме понравились цветы и немножко Художник, она поставила букет в гостиную. Папе это совсем не понравилось: он напился и выкинул цветы на балкон. Я сказала папе, что он черствый, а папа ответил, что я ничего не понимаю в любви. Я так совсем не думала, потому что Стасик из второго класса нравился мне безумно.

Потом Художник подарил маме огромную игрушечную лису. Точнее, он подарил ее мне через маму. И тогда я спросила, почему Художник ничего не подарил папе. Разразился дикий скандал, и мама с папой по очереди запирались со мной на кухне и спрашивали меня, что же такое любовь и с кем я останусь.

Я сказала, что любовь – это когда мама и папа вместе.

Больше о Художнике я ничего не слышала. ♦